

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У13

Karen White
THE STRANGERS ON MONTAGU STREET
(Tradd Street, book 3)

Copyright © Karen White, 2011
All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with Berkley,
an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Александра Бушуева, Татьяны Бушуевой*

Художественное оформление *Сергея Власова*

Уайт, Карен.

У13 Незнакомцы на Монтегю-стрит / Карен Уайт ; [перевод с английского А. Бушуева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-113639-0

Жизнь Мелани стремительно меняется. С недавних пор в ее доме живет тринадцатилетняя Нола, дочь ее возлюбленного Джека, о существовании которой они оба узнали совсем недавно.

У Нолы есть искусно выполненный большой кукольный домик с фигурками обитателей — копия одного из городских старинных особняков. Поговаривают, в особняке, имеющем непростую историю, обитают призраки.

Мелани и Джек отправляются к хозяйке дома, чтобы разобраться в этих слухах, потому что с недавних пор Мелани и Нола получают от потусторонних сил загадочные и иногда довольно пугающие знаки.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-113639-0

© Бушуев А., Бушуева Т., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Ночную тьму спящего дома пронзил телефонный звонок. Резкий и настойчивый, он вырвал меня из странного сна, в котором неким образом присутствовала я, Джек, лопата и что-то темное и волнистое, спрятанное под черной землей. Но как только Джек открыл рот, чтобы что-то сказать, раздался этот самый телефонный звонок. Я рывком приподнялась в кровати и сбросила на пол Генерала Ли. Пёс раздраженно твякнул. Я потянулась к телефону, спросонья позабыв, что шнур выдернут из розетки. Я уже поднесла трубку к уху, как вдруг почувствовала затылком знакомое покалывание.

Мелани.

Я прислушалась, пытаюсь понять слова, хотя на самом деле их было трудно назвать словами — скорее невнятные звуки, едва различимые среди потрескивания статического электричества, которые слышала только я.

— Бабушка?!

Мелани, снова услышала я. Звук был мягкий и мелодичный. Я не почувствовала страха, хотя, полагаю, телефонный звонок от мертвых встревожил бы большинство людей. Но я уже привыкла.

— Бабушка? — снова спросила я, услышав лишь стаккато помех. Я закрыла глаза, как когда-то меня

учила мать, и, сосредоточившись на звуке, попыталась мысленно воссоздать слова.

Не бойся.

Я закатила глаза, изо всех сил пытаюсь побороть нетерпение и в очередной раз удивляясь тому, почему призраки не могут просто прийти и сказать то, что хотели. Моя жизнь была похожа на длинный фильм категории «В», где я, как одинокий зритель, кричала, обращаясь к экрану: «Просто скажи ей уже!»

Стараясь не обращать внимания на лапу Генерала Ли, пытавшегося привлечь мое внимание, я сосредоточилась заново — крепко закрыла глаза и напрягла слух.

Не бойся. И ради разнообразия слушай свое сердце.

Я тотчас вытаращила глаза — во сне Джек говорил мне то же самое. В трубке прозвучал сигнал отбоя, и я поспешила вернуть ее на место. Генерал Ли скулил и прижимал лапу к моей ночной рубашке. Я посмотрела на этот маленький черно-белый меховой шарик, вопреки моему желанию доставшийся мне в наследство вместе с экономкой миссис Хулихан и «антикварным» домом на Трэдд-стрит, где я сейчас живу. Тот самый дом, который буквально рушился у меня под ногами и с угрожающей скоростью высасывал деньги с моего банковского счета.

Я наклонилась, чтобы поднять обиженного отсутствием хозяйского внимания пса, но тот вырвался из моей хватки и вместо этого подбежал к туалетному столику, где начал скрести лапой одну из бронзовых ручек ящика, отчего та с лязгом ударялась о полированное красное дерево.

— Что? — спросила я, следуя за ним, как будто на самом деле ожидала ответа. Генерал Ли был лишь са-

мую малость менее общительным, чем те призраки, с которыми я разговаривала с самого раннего детства, когда я еще не умела хранить эти «навыки» при себе.

В свете уличного фонаря я прошла через всю комнату к комоду и уже собиралась повторить свой вопрос, когда увидела на комодe что-то похожее на бумажник, лежавший между моим ночным кремом La Mer и сложенным в несколько раз листом с таблицей требующих моего внимания дел — я пользуюсь ею каждый день, чтобы точно распределять свое время, а иногда и время других людей.

Включив маленькую хрустальную лампу, я несколько раз моргнула, чтобы глаза привыкли к свету. Поскольку я убеждена, что очки меня старят, они были спрятаны в ящик прикроватного столика, так что мне пришлось прищуриться, чтобы лучше разглядеть странный предмет. Я уставилась на него, абсолютно точно помня, что, когда ложилась спать, его там не было. Это определенно был бумажник, причем знакомый. Взяв его в руки, я открыла его и ничуть не удивилась, увидев, что с водительского удостоверения, выданного в Южной Каролине, на меня смотрит знакомое лицо.

Джек Тренхольм, рост шесть футов два дюйма, вес сто восемьдесят пять фунтов, черные волосы, голубые глаза. Заглянув в отделение для купюр и увидев там две банкноты по двадцать и одну в десять долларов, я с отворачиванием закрыла бумажник. Приличной фотографии на водительских правах нет ни у кого. Моя собственная напоминает нечеткий снимок Снежного Человека. Но фото Джека, конечно же, было ничуть не хуже рекламного, вроде тех, что смотрят на вас с задней обложки его книг. Как автор исторических романов-бестселлеров о загадочных преступлениях прошлого, он просто

не имел права выглядеть как модель журнала GQ. Это раздражало и немного нервировало меня.

Я сердито посмотрела на Генерала Ли.

— Как это попало сюда? — Более подходящим вопросом было бы «почему?», но я давно узнала, что со мной вечно происходили необычные вещи, и всегда по какой-то странной причине, но никогда по причине, которую можно было бы легко объяснить. Кроме того, я разговаривала с псом, и тонкости моего вопроса наверняка были ему недоступны.

Я задумчиво потеряла пальцами мягкую кожу. Джека я не видела около двух недель — с того катастрофического дня, когда на крыльце моего дома появилась до этого неизвестная девочка-подросток и назвала его «папа». Я с радостью отступила, чтобы не мешать Джеку, его родителям и подружке (моей очень далекой кузине Ребекке Эджертон) решить эту маленькую проблему. С меня хватало моих собственных проблем, наименьшей из которых была диагностика трещин фундамента моего дряхлого исторического особняка. Плюс моя неспособность игнорировать непреодолимую тягу к Джеку Тренхольму.

Я посмотрела на часы на прикроватной тумбочке — интересно, не слишком ли рано звонить Джеку в пять пятнадцать утра? — как вдруг раздался звонок в дверь. Мы с Генералом Ли переглянулись, и мне показалось, что песик нахмурился, но, возможно, меня подвело плохое зрение. Я быстро сунула ноги в тапочки, накинула поверх ночной рубашки халат и сунула в карман халата бумажник. Взяв собаку на руки, я спустилась по лестнице в прихожую, искренне надеясь, что мой посетитель будет живым существом.

Фонари у входной двери оставались включенными, освещая веранду моего дома и позволяя легко

распознать в узкие окна по обе стороны двери знакомую фигуру незваного гостя. Набрал код для снятия сигнализации — А-Б-Б-А, по названию моей любимой поп-группы, — я отодвинула засов и открыла дверь.

— Джек, — спокойно сказала я, хотя, если честно, в эти мгновения мое сердце выделывало кульбиты и сальто. — Надеюсь, у тебя имеется по-настоящему веская причина разбудить меня, раз ты явился посреди ночи на мой порог?

Джек улыбнулся своей коронной улыбкой, которой с самого детства привык сражать наповал легионы женщин.

— Просто, Мелли, я увидел в твоём окне свет и понял, что ты не спишь. Чем ты занималась? Развешивала вещи в шкафу в алфавитном порядке имен дизайнеров?

Пока я натужно пыталась придумать ответ, который не включал бы в себя тот прискорбный факт, что я уже это сделала, я заметила, как его взгляд скользнул от моих тапочек до высокой горловины моей ночной рубашки, выглядывающей из моего просторного и очень толстого халата. Несмотря на позднюю весну, я была одета по-зимнему, так как по натуре я мерзлячка.

Я хмуро посмотрела на его брюки цвета хаки, мокасины без носков и белую рубашку с закатанными рукавами. Мне бросились в глаза его взлохмаченные волосы, щетина на щеках и круги под глазами, которые, к сожалению, нисколько не умаляли его дьявольской привлекательности.

Прежде чем я успела что-то сказать, он уже отпустил шпильку в мой адрес:

— Что-то не припомню, чтобы я видел этот наряд в каталоге Victoria's Secret. Это что-то новенькое?

— Что тебе нужно, Джек? У меня есть куда более важные дела, чем стоять возле входной двери и трепаться с тобой.

Его улыбка чуть померкла, но я все равно это заметила. Он оглянулся на затемненное место на веранде и снова повернулся ко мне. Теперь его улыбка напоминала гримасу. По моему позвоночнику пробежала первая дрожь тревоги.

— Хочу попросить тебя об одном одолжении.

Уфф. У меня отлегло от сердца. Я скрестила на груди руки. Очевидно, это какая-то шутка. Не в привычках Джека просить об одолжении. Его обычная стратегия была иной — обаять жертву, чтобы та ни за что не поняла, что она делает именно то, что ему нужно.

— Надеюсь, для этого мне не нужно ложиться на спину? Или ты просто напоишь меня, чтобы потом шантажировать? — Технически он не совершал ни того, ни другого, но мне нравилось делать вид, что эти два случая произошли по его вине.

Вместо язвительного комментария, который я ожидала услышать, Джек нахмурился и покачал головой. Я слишком поздно поняла, что он на веранде не один — из тени позади него вышла юная девушка, с которой я до этого встречалась всего один раз. Джек, который стоял, прислонившись к дверному косяку, выпрямился, давая ей возможность шагнуть мимо него в прихожую. Почти так же, как и ее отец, она окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног, только придиричвее, и при этом шумно жевала жевательную резинку.

— Красивые тапочки. — Она выпустила большой пурпурный пузырь жвачки, а затем снова втянула его в рот.

Я посмотрела на свои ноги. Эти тапочки мне подарила моя лучшая подруга Софи Уоллен, специалист

по истории Чарльстона и его памятникам архитектуры, преподаватель местного колледжа, и они мне очень понравились. Я постоянно убеждала себя, что это потому, что в них тепло ногам, а не потому, что они были похожи на Генерала Ли, потому что я на самом деле не собачница. Особенно в данный момент, когда у меня на глазах мой неверный пес норовил пристроиться у ног девушки и тыкался носом ей в коленку.

Шагнув вслед за девушкой в прихожую, Джек закрыл за собой дверь. Мне тотчас бросились в глаза напряженные морщины вокруг его рта, хотя было видно, что он силится удержать улыбку на месте.

— Мелани, у меня не было возможности официально представить тебя в прошлый раз, когда мы были здесь, поэтому я бы хотел, чтобы ты познакомилась с Эммалин Амелией Петтигрю. Эммалин, познакомься с моей... моим...

Он умолк, как будто не зная, кем представить меня, и я была не в праве винить его в этом.

— Другом, — закончила я, ощутив странную необходимость прийти ему на выручку. Было ясно как божий день, что рядом с этой юной особой Джек чувствует себя совершенно не в своей тарелке.

— Мелани Миддлтон, — добавила я и протянула руку, потому что не смогла придумать ничего другого.

Девушка шагнула ближе и встала под люстрой. Теперь я смогла рассмотреть ее лучше. Несмотря на жирную черную подводку для глаз, ярко-красную помаду, коротенькую джинсовую юбку и высокие розовые кеды «Конверс», было видно, что она еще совсем юная — лет тринадцати или четырнадцати. Эта особа также была обладательницей красивых черных волнистых волос и пронзительно-голубых глаз, не оставлявших сомнений в ее родстве с Джеком.

Проигнорировав мою протянутую руку, она щелкнула жвачкой и выдула еще один пузырь.

— Нола, — сказала она. — Мое настоящее имя — Нола.

Я опустила руку и посмотрела на Джека.

— Мы только что получили из Калифорнии ее свидетельство о рождении, и, похоже, ее официальное имя Эммалин Амелия. Очевидно, она просто привыкла к прозвищу.

Нола тут же скрестила на груди руки. На ее лице появилось нечто среднее между улыбкой и ухмылкой. Я тотчас напряглась: за этим явно что-то следует.

— Мама всегда называла меня Нола, потому что я была зачата в Новом Орлеане, штат Луизиана, когда она и этот парень напились в стельку.

Джек заговорил сквозь стиснутые зубы, а у меня мелькнула мысль, что, по идее, эта сцена должна доставлять мне куда большее удовольствие, нежели я испытывала в эти минуты.

— Как я уже сказал, ее зовут Эммалин Амелия, и последние тринадцать с половиной лет она жила со своей матерью в Лос-Анджелесе.

Я вопросительно посмотрела на него. За этими словами скрывалась целая история, которой он рано или поздно должен поделиться со мной. Но не сейчас. Девушка едва заметно вздрогнула. Костяшки ее пальцев, сжимавших ремни потрепанного рюкзака, побелели. Было в ее дерзости, в ее бравате что-то такое, что казалось неправдоподобным. Нечто печальное, одинокое, напуганное. Нечто такое, что напомнило мне брошенного ребенка, каким когда-то была я сама.

Я плохо разбиралась в девочках-подростках, хотя когда-то была такой же, но я знала: дать ей сейчас но-

вое имя — не слишком хорошая идея. Я также знала, что стоящая передо мной девушка не Эммалин и не Амелия.

Выразительно посмотрев на Джека, мол, лучше молчи, я сказала:

— Приятно познакомиться, Нола. Мне кажется, что это имя тебе идет.

— Значит, ты спишь с ним? — спросила девушка, с торжествующим взглядом, предназначенным ее отцу.

— Абсолютно нет, — сказала я одновременно с Джеком, заявившим:

— Но попытки были.

Нола закатила глаза:

— Я сказала ему, что подумаю, оставаться мне тут или нет, если между вами что-то есть или типа того.

Или типа того. Я не вполне поняла, что значит эта последняя часть фразы, но я точно знала: что бы мы с Джеком ни делали, это нельзя отнести к категории «что-то есть».

— Ты хочешь, чтобы она пожила у меня? — спросила я и резко посмотрела на Джека.

— Да. Это услуга, о которой я собирался тебя попросить.

— А как же Ребекка? — спросила я, ощутив приступ головокружения. У меня и без того довольно плотный график дел. Вряд ли в моей таблице найдется свободная клеточка для чего-то еще, тем более для явно проблемного подростка.

Прислонившись к моему чиппендейловскому секретеру, Нола издала звук, как будто ее вот-вот вырвет. От толчка стоявшая на секретере статуэтка дрезденского фарфора слегка качнулась, но, к счастью, все же осталась на месте.

— Я тебя умоляю. А то я сейчас блевану. Я точно придушу эту сладкую розовую фифу, а мне не катит загреть в тюрязку для несовершеннолетних.

Я подняла брови, хотя и была совершенно согласна с ее оценкой Ребекки. Сделав над собой усилие и старясь говорить спокойно, я посмотрела на Джека:

— А в доме твоих родителей?

— Они уже ужали свое пространство до квартиры с одной спальней. Они могли бы хоть сегодня выставить ее на продажу и купить новый дом, чтобы у Эммы... Нолы... была своя комната, но я не хочу, чтобы они это делали. Кроме того, нам, ну, вроде как сейчас что-то нужно.

— И она не может жить у тебя, потому что?..

Джек стиснул зубы.

— Потому что... — Он пожал плечами — либо потому, что не смог придумать убедительный ответ, либо потому, что не хотел, чтобы Нола его услышала.

— Потому что я ему не нужна. Он никогда меня не хотел, — подала голос Нола.

Вытянув руки в примирительном жесте, Джек шагнул к ней.

— Неправда, Нола. Я тебе уже говорил. Не знаю, почему ты отказываешься меня слушать.

— Это ты не желаешь ничего слушать, — почти выкрикнула Нола. Лицо ее покраснело под слоем косметики, и это было нечто большее, нежели обычная обида или злость. Мне внезапно подумалось: я ведь ничего не знаю об обстоятельствах, которые привели ее к Джеку. Что-то ранило Нолу гораздо глубже, чем она была готова признать, и даже для меня было очевидно, что Джек не имеет об этом ни малейшего понятия.

Я почувствовала, что моя шея стала слегка липкой.

— Может, всякий раз, когда у вас двоих будет спор, я могу быть вашим посредником? Кем-то вроде рефери. И даже время от времени навещать вас.

Я с надеждой улыбнулась им.

Две пары одинаковых голубых глаз посмотрели на меня с выражением презрения. Под их взглядом я тотчас ощутила себя очень-очень маленькой и бессердечной. Какой-то части меня было даже приятно наблюдать за их спаррингом, как то частенько бывает между нормальным отцом и дочерью-подростком. Я никогда не «бодалась» с моими родителями, но лишь потому, что у меня никогда не было такой возможности. Моя мать оставила меня, когда мне было шесть лет, отец же обычно бывал слишком пьян, чтобы обращать на меня внимание. Хотя мои отношения с обоими родителями значительно улучшились за последний год, я по-прежнему ощущала внутри себя огромную пустоту, зияющую в годы моего взросления. Не то чтобы мне хотелось вернуться в юность. В конце концов, мне тридцать девять лет. Слишком стара, чтобы иметь дело с подростковой тревогой. Или быть не замужем, но это уже совсем другое дело.

— Но она даже не знает меня, — сказала я, хватаясь за свою последнюю соломинку.

Взгляд Нолы был настолько жгучим, что я ожидала увидеть, как от моего махрового халата поднимаются клубы дыма.

— Лучше здесь, чем оставаться с ним, — Нола вздернула подбородок, указывая на Джека. — Или жить на улице. — Судя по ее взгляду, второй вариант был лишь чуть хуже, чем жизнь под одной крышей со мной.

Джек прикоснулся к моей руке и задействовал против меня всю силу своего мощного обаяния, начав с пронзительного взгляда очень, очень голубых глаз.